



**Светлана САНБАЕВА**

## **«МЫ СТАРЕЕМ, НЕ УСПЕВ ПОВЗРОСЛЕТЬ...»**

**По страничкам FB-дневника**

**4 сентября 2019 г.** Прошло шесть с половиной лет, как ушел Сатимжан. Уже нет Булата Каракулова, Мурата Гильманова, год тому назад ушел Тимур Сулейменов, «...друзья мои уходят...».

Совсем не хотела писать об этом, но... пишу. «Нас осталось мало, мы да наша боль...» Смотрю на фотографии – тридцатилетие Булата Каракулова в новой квар-

тире, которая стала для нас перевалочной базой, – наша дружная веселая молодая кучка, еще не могучая (шутка), первый общий снимок. Булат Каракулов – музыковед, Тимур Сулейменов – архитектор, Болатхан Тайжанов – дипломат, Гадильбек Шалахметов – тележурналист, Мурат Ауэзов – философ, китаевед, Салехитдин Айтбаев и Макум Кисамединов – художники, Сатимжан Санбаев – писатель... кто-то раньше, а кто-то позже присоединились Мурат Гильманов – биолог, Марат Сембин – историк, Аскар Сулейменов – писатель, Алан Медоев – геолог.

Все эти ребята, иногда казавшиеся хорошими раздолбями, со временем стали кандидатами наук, потом пошли дальше, расширяя поле деятельности, в конце концов стали мэтрами каждый в своей отрасли – профессорами: Мурат Гильманов, Булат Каракулов, Гадильбек Шалахметов... Тридцать лет «рулил» Союзом дизайнеров Тимур Сулейменов, Болатхан Тайжанов как дипломат представлял Казахстан во многих странах, Мурат Ауэзов – философ, филолог, разносторонние познания которого со временем явили его как общественного деятеля, политолога, культуролога, первый посол независимого Казахстана в Китае.

Художникам, писателям не полагается званий, это таланты от бога, звания ничего ни прибавят, ни убавят в их творчестве. У каждого из друзей имелся еще и свой круг общения – родственники, коллеги и т. д. Но Сатимжан в каком-то из своих очерков определил «обойму» друзей, от начала и до конца не выпадавших из нее, поддерживающих друг друга в трудных ситуациях, помогающих пережить сложные моменты. В нашей библиотеке есть полка с книгами наших друзей, которых с каждым годом становится больше.

Что я могу сказать о наших девчонках, как нас называет до сих пор Мурат? Женский состав – жизнь есть жизнь – время от времени менялся, но не становился менее сплоченным. Мы до сих пор встречаемся, стараемся вместе отмечать общие даты, праздники. Давно уже нет с нами Иры Шалахметовой, Хорлан Ауэзовой, но есть Зифа Тажибаева, Аглаш Тайжанова, Майза Сембина, Надя Сулейменова.

На одном из исписанных Сатимжаном листков прочитала фразу: «Мы стареем, не успев повзрослеть». Вспомнила один момент с Акмамой, мамой Сатимжана, когда она задала мне привычный вопрос: «Как Сатимжан?» Он тогда работал на Казахфильме, и было кое-что мне не импонирующее. Когда я, что называется, эзоповым языком изложила ей причину своего недовольства, Акмама хладнокровно произнесла: «Бала ғой!» (дословный перевод – мальчишка же еще!).

Мальчишке было под 60 лет. Я поняла, что зря сказала об этом, хотя это и был секрет Полишинеля. Но как бы ни сложилась наша жизнь, хочется воскликнуть: «Друзья мои, прекрасен наш союз!»

**24 сентября 2019 г.**

Захожу в зал – на стене слева в темных тонах портрет Сатимжана работы Калжана Айтбаева, справа от него большая фотография Сатимжана, подаренная Аскарком Нурмановым



на 50-летие Сатимжана (ей 30 лет, а она как новая) с уникальной подписью Аскара Сулейменова «С невыносимым уважением» (сколько сарказма, присущего Аскару. Полагаю, писал он это, будучи уверенным в безобидности своего сарказма) и автографами многих друзей и гостей. На стеллажах несколько полок с книгами Сатимжана, переводами, книгами с его статьями или о нем, несколько полок заняты изданиями с автографами авторов. Альбомы с фотографиями Сатимжана, коробки с рукописями, вариантами, опять же коробки с фотографиями. «Музей...» Стеллажей стало втрое меньше, комната опустела, но я опять потихоньку заполняю пустые полки, хотя в полной мере пользуюсь айпадом, где можно найти любого автора. Но не могу пройти мимо книжных развалов, исподтишка наблюдаю за продавцами, «последними из могикан», они мне кажутся истинными фанатами литературы, любящими держать в руках книгу, читать, перелистывать страницы...

Когда я пришла младшим редактором в издательство «Жалын», с большим пиететом взидала на каждого редактора, художника, корректора, – всех, кто имел отношение к выпуску книг, они открывали дорогу новым произведениям. Многие из них были гораздо моложе меня, но уже имели опыт в книгоиздании. Для меня это была какая-то особая каста людей, более возвышенная, благородная, и до сих пор это так. Я проработала там года три-четыре, между Павлодаром и Балхашом, но память о тех временах живет и греет душу. А с Нелли Бубэ, Ритой Жугунусовой и Майрой Жанузаковой мы и сейчас время от времени встречаемся, делимся новостями, они живут насыщенной полнокровной жизнью, добиваются своих целей, достигают желаемых результатов в своей работе.

Приятно было услышать, как один из редакторов сказал, что во время его учебы в КазГУ студенты филфака и журфака ждали, когда появится новая повесть или рассказ Сатимжана в журнале «Простор», а в редакторских заключениях на рукописи частенько писалось, что начинающие писатели подражают поэту Сулейменову и прозаику Санбаеву.

Дома всё было как у всех. Сатимжан вздыхал: «Да, для жены нет великого мужа!» А я в ответ: «Бальзак сказал, что женам писателей при жизни надо ставить памятник из золота». Где я это вычитала – убей бог, не вспомню, но где-то это должно быть, не выдумала же я это прекрасное умозаключение великого (!) классика!

**30 сентября 2019 г.** Дюсенбек Накипов. *Из цикла «Сатимжан говорит...»*

«Всё еще летит Белая аруана в мареве полуденного зноя над каменистой землей Мангыстау, как символ свободы 60-х. И поныне живет во мне эта книга-образ, как лучшая метафора нашего сознания того времени. О, как мы хотели, чтобы Белая аруана ушла от погони! И она ушла. Ценою жизни».

**Дюсенбек Накипов**

\* \* \*

«В партитуре сердца...»  
 нелегко сохранить  
 мелодию сонаты  
 осенних прогулок в пальто  
 (смокинг смятого цвета под ним),  
 мысли парят,  
 как листья,  
 в предвкушении  
 поцелуя с землей;  
 прогулки в осеннем пальто  
 с Сатимжаном  
 отражаются эхом  
 в нотах небес  
 и рядом звучит  
 контрапункт особенных будней,  
 где нельзя без мыслей  
 бродить с писателем,  
 жившим до дней  
 рождения предков.  
 В час осеннего дня  
 заклинаю  
 улицы,  
 деревья,  
 прохожих:  
 сохраните нашу прогулку  
 в записях ваших неизданных нот,  
 и тогда эта соната  
 войдет отдельной главой  
 в симфонию  
 неслышанных  
 партитур поющего сердца.

\* \* \*

*Сатимжану Санбаеву*

Ах, дядя!  
 Меня опять пресекли...  
 Мне больно,  
 хотя давно живу в глагольных формах:  
 «Бить, секли...»  
 Уже мочалом стала плеть,  
 но зная, что не возьмет нас просто смерть,  
 хочу припомнить фразо-казус:  
 «Не ожег, погладил взглядом...»  
 И пусть сейчас сентиментальным кажусь,  
 скажу я так: «Мне бы пойти на казнь...  
 с тобою рядом!»

**Натан Злотников**

\* \* \*

*С. Санбаеву*

Я вижу ваши степи, Сатимжан,  
 И пастухов известное становье,  
 Дым от костра, взлетевший как аркан,  
 Седло, положенное в изголовье.  
 Судьба, как видно, не обделит нас  
 Тоскою по далекому простору.  
 И всё равно кому – неровен час –  
 Вверять себя – коню или мотору.  
 Но ты, мой друг, я знаю, предпочтешь  
 Коня, и он воздаст тебе сторицей.  
 Лети! Вот жизнь! Пусть эхо, словно ложь,  
 Умрет!.. Ложь будет. Жизнь не повторится.  
 Кто знаменит, а кто забыт давно,  
 Мне узнавать, прости, не захотелось.  
 Тем счастлив был, что ощутить дано  
 Народной речи красоту и смелость.  
 Та речь прерывистая рождена  
 Под стук копыт и ветра полыханье,  
 Когда слились дыханье скакуна  
 И всадника в единое дыханье.  
 Как времени, текущему в крови,  
 Сказать: повремени хоть на мгновенье  
 И поздние слова моей любви  
 Узнай, потом забудь без сожаленья!



\* \* \*

Вышел девятый номер журнала «Простор» с интересным, на мой взгляд, содержанием: Татьяна Фроловская со «Сказанием о Гильгамеше», Улугбек Есдаулет с воспоминаниями о писателях «Абилхаят – живая вода», Светлана Ананьева «Я научился носить Родину в сердце» о Сатимжане Санбаеве, Алуа Темирболат «Шаг в будущее», Нелли Бубэ «Содружество единомышленников» и еще много интересных статей. К 80-летию Сатимжана опубликованы мои воспоминания о нем.



**12 ноября 2019 г.** Полжизни прошло с тех пор, как я в последний раз была в Макате. Одно время мне очень хотелось съездить туда. Что так тянуло – понять не могу, может, ощущение новизны, которое испытывалось там, да и везде, где оказывалась в первый раз, даже в Алма-Ате, на улицах, на которых еще не была. Почти все родные Сатимжана покинули поселок, ехать было не к кому.

Что я хотела увидеть в Макате? Место, где жили Санбаевы, называлось 1-й аул. Аул в поселке, и не один. Дом их, должно быть, уже давно снесли, а что еще я могла помнить? Дорогу в магазин? Или на почту? Сатимжан работал, остался в Алма-Ате, я приехала, чтобы побыть с его младшими сестрами, пока старики не вернулись из степи, где они выпасали свой скот. У кого-то из соседей был телефон, Сатимжан из Алма-Аты звонил им, они бежали позвать меня, пока я добежала, связь пропадала. Немного посидев у телефона, я возвращалась домой, а через некоторое время снова прибежал посыльный, чтобы сказать, что Сатимжан дозвонился. Но история повторялась, и я, как говорится, несолоно хлебавши, в потемках шла восвояси.

Так, вся в воспоминаниях, я ехала в Макат. Юбилей Сатимжана – 80 лет. Сатимжан – и 80 лет? Не вяжется в голове. По сути, я должна писать: «Юбилей Сатимжана Санбаева в Атырау прошел отлично» и т. д., что не погрешило бы против истины. Всё действительно прошло на хорошем уровне, несколько дней были насыщены мероприятиями. Едва прилетев и освоившись в отеле, мы отправились в Макат, на родину Сатимжана. Нас тепло встретили в школе имени Хамзы Санбаева, отца Сатимжана, в ней есть уголок, где стоит его бюст работы Умурзака Шанова, известного скульптора. Интересно на следующий день прошла встреча со студентами Атырауского университета имени Х. Досмухамедова. Вечером того же дня в Большом зале филармонии Атырау прошел творческий вечер, посвященный Сатимжану, о чем оповещал большой плакат-афиша на здании. Интересная получилась постановка, знакомящая зрителя со значимыми вехами биографии Сатимжана, в основном достоверными, хотя я бы включила в это действие более важные моменты его жизни. Но, в общем, это было именно то, что могло больше и лучше рассказать о Сатимжане тем, кто мало или совсем не знал о нем. Думаю, что в Атырау он больше известен был как киноактер.

На третий день – удачная поездка в древнее городище Сарайшык – пантеон ханов Золотой Орды, место захоронения мусульманских праведников, святое место. Недалеко от мемориального комплекса всё еще продолжают раскопки городища. Первый раз видела археологические раскопки, очень интересно, но времени было не много, чтобы узнать, рассмотреть детальнее.

Эти дни в Атырау были четко организованы председателем филиала СП Казахстана Койшыгулом Жылкышиевым, за что ему большая благодарность от нашей семьи. Огромное спасибо писателям Бауыржану Жакыпу, Умит Тажикен, зав. отделом института литературы и искусства Академии наук Казахстана Светлане Ананьевой за поддержку и участие в поездке в Атырау на юбилейные дни Сатимжана Санбаева (на перечисление всех регалий упомянутых выше участников поездки страницы не хватит). Со мной на юбилейные дни ездили сын Галимжан и внук Алишер. Из Алматы нас поддерживала дочь Алуа, а из Франции дочь Гульжамал.

Наша поездка завершилась хорошими впечатлениями не только от прошедших мероприятий, но и от людей Атырау, удивительно гостеприимных и доброжелательных, тепло встречавших нас, куда бы мы ни приезжали. Пришли ровесники Сатимжана, даже несколько стариков, которые помнили отца Сатимжана – Хамзу Санбаева.

Навсегда запомнила, как довольные, усталые немного, едем мы из Маката... Уже смеркается, за окном джипа горит закат вперемешку красным, оранжевым, желтым цветом. Он плывет за нами почти всю дорогу по пустынной степи. Сумерки превратились в кромешную тьму, лишь закат горит неярким пламенем, невероятная картина, похожа на декорацию. Подумалось, что ближайшие дни нас ожидает хорошая погода. Так и случилось, лишь в последний день, когда мы ехали в Сарайшык, стал накрапывать дождик. Подняв голову вверх, я вдруг увидела журавлей, «улетающих вдаль». Сколько об этом читала, слышала, но видела впервые. «Летит, летит по небу клин усталый...»

Нам тоже пора было возвращаться домой, в Алма-Ату. Впереди еще есть дела.

**17 ноября 2019 г.** Библиотека. Первое место моей работы. Прямое попадание в цель, как мне тогда казалось. То самое место, где я хотела оказаться, быть всегда. Однажды меня вызвали к директору, где сообщили, что библиотеке выделили квоту на обучение в Московском библиотечном институте, и спросили, хочу ли я поехать в Москву учиться. В конце концов с разрешения семьи я сделала этот шаг, толком не понимая, чего мне ждать и что мне это дает. Предложение было довольно-таки неожиданным.

Но это другая история. А сейчас...

Творческий вечер по случаю 80-летия Сатимжана Санбаева прошел в библиотеке (давно уже не «Пушкинке»), которая с тех молодых моих лет давно уже переехала в новое здание, большое, светлое, красивое. Здесь уже проводилась презентация книги Сатимжана «Медный колосс» и 70-летие Сатимжана. В то время директором библиотеки был Мурат Ауэзов. Библиотека была интеллектуальным центром Алматы: творческие встречи, презентации вышедших книг, юбилей писателей – всё проходило здесь. И на презентацию собрались заинтересованные, знающие творчество Сатимжана, расположенные к серьезному разговору, глубокому анализу произведений люди. Внимание и тщательная подготовка создавали открытую теплую атмосферу, мероприятие проходило достойно, в соответствии с творчеством и личностью Сатимжана.

И на 80-летие всё прошло замечательно, выступающие говорили о творчестве Сатимжана, вспоминали о нем самом. Как-то так получалось, что встречи, мероприятия, связанные с Сатимжаном, всегда проходят тепло и искренне, так, что людям не хочется расходиться. Большая благодарность всем участникам этой встречи, сотрудникам библиотеки, библиотеки, которая не теряет свой статус средоточия творческих людей Алматы.

**2 декабря 2019 г.** А познакомила нас с Сатимжаном не литература, а кино. В киностудии я сначала работала в 1967 году на документальных фильмах. «Возвращение леса» – название говорит само за себя, со съемками этого фильма проехала почти через всю Акмолинскую, Кокчетавскую, Павлодарскую и Се-

мипалатинскую области, всё по лесхозам, на каком-то небольшом озере ночью ела тройную уху из свежепойманной рыбы, первый раз села на лошадь, которая вдруг понесла меня, еле спасли, 200 км проехала в кузове грузовика. Когда доехали до пункта назначения, волосы пальцем проткнуть нельзя было, сваялись в кошму, три дня сидеть не могла – скамейки в кузове были деревянные. Но когда бы я побывала в этих краях, увидела эти степи, леса, аулы, реки, озера... Однако где бы мы ни были, режиссер Алексей Кулаков всегда выглядел с иголки.

Следующий фильм был о какой-то технике, название не помню. Меня первой из группы отправили в Москву, вручив чековую книжку и деловые письма. К приезду группы я должна была заказать машину дней на десять, объехать все киностудии Москвы, пробить монтажный стол с монтажницей и зал для просмотра киноматериала. Еще нужен был номер в гостинице для себя, что оказалось неудачной попыткой. Жить пришлось в общежитиях знакомых девчонок, которые учились в московских вузах. С машиной получилось быстро, со следующего дня каждое утро за мной приезжала «Волга», и я начала ездить по киностудиям: Мосфильм, им. Горького, детских фильмов... Заходила к директору киностудии с заготовленным письмом. Вспоминаю, как это было просто раньше. Чувствую, как каждый день прибавляется важности, когда поняла, что у меня в руках только что не волшебная палочка. Повидала всех директоров киностудий, никто никуда меня не отправлял, разговаривали как с равной, никакой спеси или высокомерия, деловой разговор. Не помню, чтобы хоть один кабинет был роскошно обставлен.

Последняя надежда была на новую киностудию в Химки-Ховрино, кажется, научно-популярных фильмов, и она оправдалась. Я получила монтажный стол с монтажницей и небольшой зал для просмотра отснятого материала. Через день приехали режиссер, оператор, директор фильма, забрали у меня машину, чековую книжку, и осталась я, калиф на час, с ощущением старухи у разбитого корыта. Зато на время я стала свободной, нанесла визиты всем знакомым, побродила по Москве. Раза два успела сходить в Третьяковку, на два спектакля, один в Таганке «Добрый человек из Сезуана» Брехта. Золотухин, Славина, Смехов, Высоцкий – вот что называется удачей. Второй спектакль не помню, по-моему, МХАТ, раз не помню, значит, не стоило помнить. Такое бывает в Москве, приходишь к началу спектакля, наспех покупаешь билет, как kota в мешке.

Режиссером моего второго фильма был Михаил Додонов, человек, совершенно отличный от Алексея Кулакова. Он купил себе новые ботинки и решил обмыть их. Мы все сидели в небольшом автобусе, он открыл бутылку шампанского, залил в новый ботинок и выпил оттуда, чтобы ботинки дольше носились. Не знаю, сколько он их проносил, но традиция забавная. С этой группой я объездила почти все азиатские республики. Следующая моя Москва была уже с Сатимжаном. Мой бег по жизни завершился, я пришла к своей точке отсчета.

**8 февраля 2020 г.** Недавно пригласили меня в лицей № 134 на читательскую конференцию по повести Сатимжана Санбаева «Белая аруана». Думаю: что это действие может представлять из себя? Сначала преподаватель скажет несколько слов о писателе и его произведении, потом несколько учеников вымучают из себя в разных вариациях то же, что опять же им преподнесла учительница, наверняка, прочтут отрывки из повести, и делу конец.

Всё прошло совершенно не так, как предполагалось. Очень нестандартно начала развивать тему преподаватель литературы, а затем ученики, отвечая на вопросы, стали предлагать свои соображения и предположения о сюжете, героях повести, характеризуя Мырзагали, Асиму, верблюдицу на свой взгляд. Чувствовалось, ребята проштудировали повесть от А до Я, заинтересовались ею. Выступило человек 20-30, ответы были неординарные, чувствовался творческий подход. Я читала множество рецензий на «Белую аруану», но такого разнообразия

мнений, глубоких для подростков погружений в текст и осмыслений сюжета я не помню. Возможно, потому, что рецензии поначалу выходили часто и выражали мнение одного человека, автора, а тут пять классов ребят, каждый со своим видением материала, с явной заинтересованностью, оспаривая мнение друг друга, – это надо было видеть и слышать. Причем это происходило в лицее с естественно-математическим уклоном, что вдвое, втрое увеличивало значимость этой читательской конференции.

Отдаю должное инициаторам этого мероприятия, которые смогли воодушевить ребят на продуманные высказывания, серьезное отношение к предложенной теме. И еще, как бы ни критиковали школу, учебный процесс и т. д., пока есть в школах такие энтузиасты своего дела, литература будет жить и здравствовать. Я говорю только о том, что видела воочию. Библиотекарь Роза Ахметовна Муменбаева поведала мне, что работала раньше в другом лицее и уже пригласила Сатимжана на такую же читательскую конференцию. Ребята, участники конференции, составили карту, где отметили маршрут побега аруаны, сколько она пробежала, по каким местам. Она сказала, что Сатимжан, слушая высказывания ребят и увидев эту карту, чуть не прослезился.

Недавно читала в ФБ что-то вроде анекдота: на вопрос Бога, чего бы хотел Пушкин на сей момент, поэт попросил поменять ему фамилию на «Высоцкий». Так вот, пока есть такие люди, как преподаватель литературы Ирина Александровна Бурдина и библиотекарь Роза Ахметовна Муменбаева, Пушкин останется Пушкиным, а Высоцкий Высоцким.

В 1976 году в московском издательстве «Художественная литература» вышел сборник казахских рассказов под названием «Белая аруана», вступительную статью к которому написал литературовед И. Н. Крамов. Вот его суждение о повести «Белая аруана», когда в третий побег слепая верблюдица погибает, а Мырзагали плачет, лишившись смысла жизни. «Может быть, старик оплакивает не столько верблюдицу, сколько себя? Автор не спешит обличать незадачливого Мырзагали, скорее с грустью всматривается в него. В сущности, погибает – в нашем сознании – Мырзагали, а образ белой аруаны – высшая художественная точка рассказа – остается жить, вселяя надежду, пробуждая веру».

**28 февраля 2020 г.** Шевченко. Съёмки фильма «Интернациональный отряд» (рабочее название), в прокате – «Дорога в тысячу верст». Ассистент режиссера Виктор Шевцов (светлая память) собирал этот интеротряд по всему Союзу. Несколько актеров пробовались на роль Алиби Джангильдина, в результате, хоть и не без проблем (на роль А. Джангильдина в Шевченко уже прибыл начинающий актер Н. Ихтымбаев), утвердили Сатимжана Санбаева.

Три актера из рижских театров, трое из Ленинградского театра Ленинского комсомола, актер польского происхождения из Карагандинского театра, Николаус Бауман, немец, появился сам по себе. Набрали десять молодых парней, чтобы на протяжении фильма мелькали знакомые лица. Проходил пробы Куман Тастанбеков, но не присоединился к интеротряду, видимо, сработала интуиция: чуть позже его утвердили на роль Тулегена в картине «Кыз Жибек».

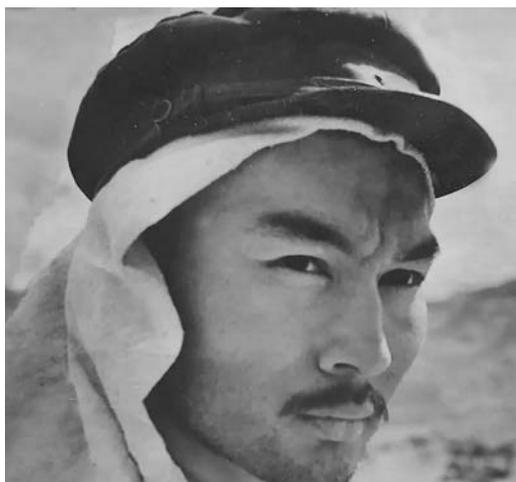
Встретились Шевцову два венгра, студенты Киевского университета. Иностранцам не разрешалось отъезжать от альма-матер, в данном случае от Киева, дальше пятидесяти километров, но предприимчивые ребята объездили всю европейскую часть Союза до Сибири, потом Кавказ, Дальний Восток. Четвертые каникулы привели их в наши края, где их встретил Шевцов. Благодаря незаурядной внешности они прошли пробы, а вечером мы встретились в кафе, где Шакен Айманов с группой отмечал сдачу фильма «Земля отцов».

За этот вечер мы с подружкой многое узнали о Венгрии, об их путешествиях, друг о друге. Хуба, инициатор во всех их делах, рассказывал о планах на жизнь, очень

надеялся участвовать в съемках, позже писал в группу, узнавал, получила ли группа разрешение для них. Но, ко всеобщему разочарованию, не случилось. Возможно, моя судьба сложилась бы иначе при другом раскладе. (Шутка. А может, нет.)

Ленинградцы были известные люди, у одного жена – Антонина Шуранова (княжна Марья Болконская в «Войне и мире»), у другого – принцесса из фильма «Каин XVIII». Латыши были известны сами по себе – Интс Буран, Алфонс Калпакс.

Я возвращалась с обеденного перерыва (с моря), когда приехали режиссер, оператор и другие действующие лица. В школе, где расположился штаб группы, царил суматоха. Предполагаемая массовка, собранная мной почти за месяц, проходила «экзамен» на предмет участия в съемках. У дверей школьного зала, где будущие статисты примеряли костюмы джигитов-интеротрядовцев, меня остановил Шевцов: «Прошу познакомиться!» Бывший артист ТЮЗа, он не изжил театральщины в манерах, но был славным парнем. Молодой человек рядом с ним склонил на бок голову: «А я про вас всё знаю!» Виктор рассмеялся, глядя на мою недоумевающую физиономию. «Он привез тебе письмо от подружки. Ты поняла, кто это?» Поняла, когда закрыла за собой дверь зала. Осенило, что это и есть будущий Алиби Джангильдин. Совсем не Тосиро Мифуне, как обрисовал его Виктор Шевцов. Но с усами и в военной гимнастерке похожесть была более явной.



...Как-то в последние годы мы гуляли во дворе нашего дома, с нами был внук Дален. Сатимжан один уже не выходил, чаще сопровождала его я. Сели на скамейку, и Дален спрашивает: «А как вы познакомились?» Мы переглянулись – вопрос как снег на голову. Никогда между нами не возникало таких разговоров. Сантименты были не в чести. Поняла, Сатимжану нечего сказать, он задумался, наверное, пытался вспомнить хоть что-нибудь. Безрезультатно. Не помню, как я отвлекла внука, оставив вопрос без ответа. Может, прочитав мои воспоминания, он что-то поймет. Для Сатимжана же на первом месте всегда стояла работа, без нее он был как без воды, без воздуха. То же самое наблюдаю сейчас за сыном, Галымом. Генетика!

**11 апреля 2020 г.** На съемки «Дороги в тысячу верст» по долгу службы приехал Аскар Сулейменов – он был редактором фильма. Оригинальный, ироничный, временами вальяжный, иногда с убийственной ехидцей, он разговаривал обычно не повышая голоса, но чего стоила одна интонация! И как менялось лицо, голос, когда он общался с человеком, интересным для него, которого он принимал за равного.

Уехал Аскар, приехал Калихан Исаков, сценарист фильма, который предложил режиссеру Карпову Сатимжана на роль Алиби Джангильдина. Они с Сатимжаном были знакомы давно. Общительный, добродушный, Калихан мог отпустить шутку и тут же первый над ней смеяться. Любимое ругательное слово было «сболыш», которое из-за такого произношения теряло весь негатив.

Это были первые молодые писатели, с которыми я познакомилась. Тогда к нам в дом на Фурманова кроме Аскара и Калихана приходили Зейнолла Серикалиев, Абиш Кекилбаев, который жил в квартале от нас, Жумекен Нажимеденов,

были и другие, не вспомню, но за большим столом в зале в такие дни было полно друзей Сатимжана. Все разговоры были о литературе, например, какие новые произведения изданы, что такое роман и роман ли «Путь Абая». Как иногда говорит Мурат Мухтарович Ауэзов, время всё расставит по местам, но думаю, что много времени не понадобилось, чтобы принять истину. Что поделаешь, молодые, горячие, подвергающие сомнению всё и вся.

Спорт тоже не отпускал Сатимжана, его тянуло к спортсменам, к людям, которые ежедневным трудом добивались новых достижений. Единственным человеком, который видел поединок Сатимжана на борцовском помосте, был писатель Сакен Жунусов. Это было в одном из российских городов, Сакен забрел на соревнование борцов, и рассказывал нам, как гордился тем, что в России борец-казах в схватке положил соперника на лопатки. «Это было красиво, я был счастлив!» – восклицал он.

Не помню, когда и как в нашей квартире появился Амин Туяков. Красивый, веселый, легкий в общении, приход его поднимал настроение. Это были годы его триумфа. Как-то он пригласил нас к себе домой в гости, помню, два серванта в его зале были заставлены кубками. Но больше всего меня поразила фотография – Амин Туяков между двумя братьями Кеннеди – Джоном и Робертом.

**22 апреля 2020 г.** В том же семидесятом году вышла вторая книга Сатимжана «Дорога только одна». Это была переработанная повесть «Степные звезды», над которой Сатимжан работал как ни над какой другой, при каждом её издании вносил изменения, какие-то эпизоды убирал, что-то новое дополнял, пока она под названием «Еще одно лето» не заняла свою «нишу» сначала в дилогии, потом трилогии, наконец, в тетралогии «Времена года нашей жизни». К выходу второй книги я тоже не подкачала и произвела на свет сына, которого родители Сатимжана нарекли Галымжаном.

За месяц до этого Сатимжан взял с собой годовалую Гулю и поехал в отпуск в Макат. Там он завершил перевод «Слов назидания» Абая и выслал рукопись в издательство. В это же время группа молодых ученых отправилась в Западный Казахстан с лекциями. Это были Мурат Ауэзов, Булат Каракулов, Болатхан Тайжанов, Мурат Гильманов, Канат Нурланова и Едыге Турсунوف. В Макате они встретились с Сатимжаном, и в клубе во время их лекции Сатимжану пришла



телеграмма о рождении сына. Когда ребята отправлялись дальше по своему маршруту, на столбах электролиний они по букве вырезали имя Галымжан (это последняя версия события), а младшей сестре Сатимжана Райсе не досталась буква и она поставила точку.

В нашем доме стало тесновато, и мы начали задумываться о жилье. Как-то Сатимжан пришел домой с Муратом Ауэзовым, и, когда мама подняла «квартирный вопрос», Мурат неожиданно предложил нам поселиться у него. Он жил тогда на СМУ-15, где была квартира его старшей сестры Умит Джансугуровой. Гульжамал было год с небольшим, Галыму не было и месяца, тем не менее дней через десять мы были уже на Обручева, 7. До сих пор поражаюсь храбрости Мурата, который решил приютить семью с маленькими детьми и со всеми прилегающими к этому заботами. Но впоследствии я поняла, что оказывать помощь людям – одна из черт характера Мурата.

Это был одноэтажный коттедж из трех комнат, в котором мы провели шилдехана – сорок дней нашему Галымжану. Тогда я впервые познакомилась с друзьями Мурата, которые навсегда остались и нашими друзьями. Позже Сатимжан говорил, что жизнь в этом доме осталась в памяти как одно из самых счастливых воспоминаний. Там он начал одну из повестей кочевья «Когда жаждут мифа».

**5 мая 2020 г.** Больше года прошло, как я начала свою «летопись». Поначалу целью было как можно полнее рассказать о творчестве Сатимжана и связанных с этим жизненных перипетиях. Но по совету близких решила «размочить сухомятку», ввести что-то из жизни вокруг творчества.

Итак, Шевченко, 1967 год. У одного из ленинградских актеров случился день рождения, на который меня пригласил именинник. Сатимжан тоже был приглашен. Трое рижских актеров отказались. Они держались особняком, рано утром – пробежка, вовремя сон, режим, одним словом.

Небольшая компания расположилась на берегу Каспия. Разожгли костер, пожарили шашлыки. Никаких торжественных тостов, короткие спичи, типа «Будь здоров, удачи!» Пели песни, запомнилась одна – «Там вдали, за рекой». Её пели хором под «дирижирование» одного из ленинградцев. Он разделил нас на первый-второй голоса и начал руководить действием. Мы старались изо всех сил и, кажется, достигли желаемого успеха. Видимо, с нами ленинградцы репетировали фрагмент какого-то спектакля своего театра. Но, тем не менее, иногда я напеваю эту песню, придерживаясь тех правил.

Застолье продолжалось, становилось всё веселее. В самый разгар, когда внимание ко мне, единственной представительнице слабого пола, стало преувеличенным, Сатимжан предложил уйти, вернуться домой, что мы и сделали незаметно. Помощь Сатимжана была весьма кстати, и с этого вечера нам стало проще общаться.

Как бывает в каждой киногруппе, и здесь не обошлось без проблем. Для съемок одного из эпизодов декораторы по незнанию или по небрежности разворошили небольшое казахское кладбище, передвинули кулпытасы, чтобы освободить пространство для съемки встречи двух героев – Алиби Джангильдина и Сардарбека. Сорвав съемку, Сатимжан и Калихан Исаков, сценарист, срочно уехали в Алма-Ату доказывать неправоту такого кощунства. Думаю, этот конфликт плохо сказался на отношениях Сатимжана и режиссера и, как следствие, на съемках. Доверие было утрачено.

Еще один случай. Николаус Бауман, поволжский немец, жил в общежитии Шевченко в одной комнате с Сатимжаном, а в Шетпе, куда позднее перенесли съемки, – в одной палатке. У него была необходимость заботиться о ком-то, и он взял опеку над Сатимжаном. Ухаживал за ним, набирал из единственного

источника – родника воду, кипятил чай, делал всё возможное, чтобы облегчить жизнь Сатимжану. Когда группа перекочевала на другое место для съемок, Николас отстал каким-то образом от группы и решил добираться по степи своим ходом, то есть пешком. К сумеркам он добрался до одинокой юрты и решил попросить ночлега. Когда хозяева юрты открыли дверь, они увидели перед собой «немца» с винтовкой за спиной. Сцена получилась вовсе не немая, но, сумев разобраться во всем, участники закончили её миром. Гостя приняли как полагается, накормили и уложили спать, чтобы утром отправить в дальнейший путь.

Ни один из троих ленинградских актеров не засветился в фильме, сцены с их участием были вырезаны. Из рижских актеров Интс Буран сыграл роль чеха Яноша, помощника Алиби Джангильдина, показался в одном эпизоде Алфонс Калпакс. Вот такое кино!

**7 мая 2020 г.** 1967 год. Киногруппа перебралась на другое место съемок. Снималась в основном натура. Помню, час или два ловили момент, чтобы снять ящерицу на бархане, зарывающуюся в песок. Сатимжан с Калиханом уехали в Макат, чтобы 16 сентября отметить там день рождения Сатимжана. Я должна была тем же рейсом дня на два позже прибыть в Макат, где вагон Шевченко – Алма-Ата отцеплялся от состава и ждал шесть-восемь часов, чтобы поезд Гурьев – Алма-Ата взял его с собой в столицу. Но меня отправили самолетом, и я улетела домой. Ребята из массовой, ехавшие поездом, рассказывали, что в Макате их встретил брат Сатимжана Нуркан и пригласил домой, где их ждал накрытый стол, бешбармак из только что зарезанной овцы. Они сказали, будто бы ждали и меня, но не случилось.

В Алма-Ате Сатимжану передали положительную рецензию из издательства «Советский писатель» на первую его рукопись. Жизнь налаживалась, и настроение Сатимжана было на подъеме. Он хотел познакомить меня со своими знакомыми и повел сначала к Бобовичам, в семью бывших преподавателей макатской школы. Не помню, как они, крымские караимы, попали в Макат, где их взял преподавать в школу отец Сатимжана Хамза Санбаев, директор школы. В Макате в войну находился лагерь военнопленных немцев, лагерь литовских женщин, как рассказывал Сатимжан, прибывших в холодную пору в одежде, в которой их арестовали. Многие из них погибли в дороге, из 2000 женщин к концу войны осталось только 500. Рассказывал, что стороной, минуя Макат, шли группами дезертиры из азиатских республик, непригодные к войне и до этого не державшие оружие в руках. Видимо, Бобовичи тоже были из тех людей, которых вынужденно занесли в Макат, через который шли поезда с депортированными людьми с Крыма и Кавказа. Некоторые из них оставались в Макате. Бобовичи оказались добрейшими и гостеприимными людьми, знали всех учившихся у них сестер и братьев Сатимжана по способностям и по характеру. В следующий раз мы пошли к дальнему родственнику Санбаевых писателю Габдолу Сланову, который и посоветовал Сатимжану отправить рукопись книги в издательство «Советский писатель».

Общался Сатимжан в основном с Калиханом Искаковым и Аскараром Сулейменовым. Как-то мы вчетвером шли из киностудии пешком мимо моего дома на Фурманова – Кирова. «В этом доме живет один наш аксакал», – сказал Аскар в своей манере, растягивая слова. «Жаппар Омирбеков?» – спросила я, имея в виду нашего соседа по дому. «Нет, он тоже живет здесь, но я о Сейтжане Омарове». Была ли у них какая-то информация или только догадка, но мне пришлось сказать, что я нахожусь в родстве, можно сказать, его дочь. Мои спутники были удивлены, потому что ни фамилия, ни отчество этого не подтверждали, а я не любила длинных объяснений.

Постоянными стали наши походы в общежитие политеха, где учился Хамит, младший брат Сатимжана. В том же 1967 году они с сокурсниками из студенческого отряда создали «Дос-Мукасан» – студенческий ансамбль, со временем



получивший большую популярность среди молодежи и не только. Мы приходили к общежитию и, если Хамита не было в своей комнате, кружили вокруг корпусов, прислушиваясь, зазвучат ли где струны гитары. Помню молчаливо улыбающегося Доса, застенчивого в те времена Мурата и многих других. 7 ноября в общежитии отмечали

день рождения Хамита – 25 лет. Он был постарше ребят, поступил после армии. Так что известность пришла к обоим братьям в один и тот же год.

Через некоторое время киногруппа уехала доснимать фильм под Алма-Атой, туда, где нашли местность, схожую с мангышлакской. Наше «кочевье» расселили в отцепленном вагоне поезда, актеры были распределены по домам местных жителей. А через некоторое время эта местность оказалась на дне Капчагайского водохранилища.

**10 мая 2020 г.** 9 мая. Так много публикаций о героях Великой Отечественной войны, так много новых имен, о которых мы не слышали раньше, об их подвигах. Но я хочу рассказать о маме, одной из тех женщин, которые трудились в тылу, вкладывая свою лепту в приближение победы.

Вырвавшись из своего села, Савия Фазлыева, одна из шести сестер, сначала закончила рабфак в Уфе, потом ФЗУ в Куйбышеве. В 1938 году она по направлению приехала в Алма-Ату на швейную фабрику, в качестве технолога швейного производства, где началась её трудовая деятельность. Когда одна за другой начались войны: финская, отечественная, японская, швейная фабрика не останавливала работу ни на час. Конечно, это не были снаряды, автоматы, пушки, но шинели, гимнастерки и другое обмундирование были не менее важны и необходимы.

После войны ей пришлось уйти с работы – проблемы со здоровьем, но тем не менее она подарила мне трёх замечательных младших братьев, после чего её рабочий стаж прервался. Мы, её дети, шутили: если бы папа не остановил маму, она со своей энергией, умом и жизненной силой выросла бы до поста министра МВД. Выйдя вечером на улицу с папой под ручку, она, обойдя окрестные улицы, с непостижимой интуицией в течение часа собирала всех троих сыновей и приводила домой.

Думается, у многих есть воспоминания о тружениках тыла, переживших тяжелые военные годы: родных, близких, знакомых...

**23 мая 2020 г.** Хочу подробнее вспомнить мой первый приезд в Макат. Странные ощущения – я не помню станцию Макат, как она выглядела тогда, но при её упоминании до сих пор возникает волнение. Может, оттого, что Сатимжан много рассказывал о Макате, ему хотелось, чтобы я приняла его родину такой, какой он видел её сам. Хотя для меня на первый взгляд ничего необычного не было.

Ориентиром по дороге к дому Санбаевых были три высоких карагача, в направлении которых мы пошли. То ли это был поселок, то ли аул, а вернее, местами то одно, то другое. Дома были Коке – отец Сатимжана, младшие дети. Акмама – мама Сатимжана – была в степи. Основная забота-работа у местных

жителей была держать скот. Как только таял снег, всходила трава, жители угоняли скот в степь, где выпасали его до первого снега, а когда снег не покрывал землю, таял, оставались в степи на зиму. Во дворе дома всегда про запас стояли 2-3 скирды сена на случай, если скот зимовал в поселке. Сатимжан рассказывал, что Коке тщательно укладывал сено, чтобы высокие скирды были ровными и аккуратными. Траву косят заранее, чтобы запастись кормом за зиму. Оглядевшись, я спросила, где они косят траву, вокруг не было растений выше циклолотки. Оказалось, эту самую и косят. Сколько же надо было накосить, чтобы получались такие огромные скирды!

По просьбе Сатимжана я привезла семена овощей, цветов. Мы посадили их, а в июле-августе все посадки погибли: не хватало воды для полива.

Через несколько дней Сатимжан повез меня в степь к маме. Я увидела телегу, на которой был приспособлен металлический каркас, покрытый старыми кошмами, может, ковром, не помню, внутри которого двоим можно было отдыхать днем, спать ночью. Если надо было переехать, в телегу впрягалась верблюдица, перевозила жилище на место, где было больше травы для скота.

Основная работа лежала на Акмаме, она физически была сильнее Коке и моложе. Несколько верблюдов, 20-30 овец... По утрам Коке провожал стадо, вечером пригонял обратно. Вдоль железной дороги были колодцы с водой для нужд проходящих составов, которой с опаской пользовались местные жители: за это грозил штраф.

Сатимжан оставил меня с мамой и уехал в поселок чинить свой «Москвич». Тут и началось самое интересное. Акмама плохо знала русский, я – казахский. Худо-бедно мы умудрялись понимать друг друга, не с первого, так со второго раза, а иногда и с третьего. С бытовой лексикой я еще справлялась. Но однажды Акмама попросила меня принести «то, не знаю что». Я долго думала, анализируя в уме, чем она сейчас занята и что ей может понадобится. Принесла тазик. Она улыбнулась, пошла сама и принесла теплую кофту. Это и было то, что она просила принести, базенке – вязаная кофта. До неузнаваемости исковерканное русское слово. Оказалось, в Атырау до сих пор об этом случае ходит анекдот.

Как-то заговорила со мной старушка, погонявшая перед собой верблюдицу. Спросила, есть ли у меня скот. Я объясняю, что живу на втором этаже, держать скот нет возможности. Она уничижительно посмотрела на меня и пошла прочь. Нет скота – нет человека.

**25 мая 2020 г.** 1972–1974 годы. В следующий раз я поехала в Макат с детьми. Гуле не было трех, Галыму – двух лет. Мы сошли с поезда в степи, на разъезде, где поезд останавливался минут на пять, прыгали с насыпи. У родителей Сатимжана уже была построена мазанка из двух комнатушек. Руку поднимешь – потолок, руки в стороны – стенки. Коке спал один, в комнатке побольше – Акмама и я с детьми.

Дети вели себя по-разному: Галым сразу освоился, его интересовало всё, что летает, ползает, и он бесстрашно хватал всё, что ему попадало под руку, а Гуля с опаской выглядывала из-за двери, не решаясь перешагнуть через порог. Коке велел мне не спускать с них глаз, не дай Бог что-нибудь случится. Спустя время положение изменилось: Гуля стала выходить из домика и приглядываться к окружающему, а Галым, которого, видимо, что-то испугало, не отходил от меня.

В комнатке, где мы обосновались, стояла железная печка, ночи еще бывали холодными, и надо было смотреть, чтобы дети не подходили близко. Однажды ночью, когда мы уже легли спать, я почувствовала, как по мне стремительно пробежало что-то, вроде большого насекомого. Я разбудила Акмаму. Она сказала, ничего страшного, а сама зажгла свечу и стала осматриваться вокруг, пока не прихлопнула башмаком незваного гостя. Утром сказала, что это был скорпион, но его яд в это время еще не созрел.

Сатимжан подгадывал наш приезд в Макат к тому времени, когда народившимся ягням исполнялось два-три месяца, чтобы полакомиться бешбармаком из молочного ягненка. Акмама варила еды ровно столько, сколько могли съесть те, для кого она готовила, и не позволяла оставлять на блюде ни кусочка. Первый раз я увидела, как Сатимжан почти в одиночку прикончил целое блюдо бешбармака из молочного ягненка и, через силу проглотив последний кусочек, отвалился к стенке. Наелся от пуза, что называется. Обычно он был умерен в еде. Акмама и Коке трудились с раннего утра и до вечера, иногда прерываясь на обед в самое жаркое время, чтобы набраться сил на вторую половину дня. Работы было без конца и края. На школьные праздники Коке увозили в поселок, откуда он возвращался с красным галстуком на шее. Родная школа не забывала заслуженного учителя КазССР, отдавшего ей сорок лет жизни. Акмама ежедневно поила Коке сытным шубатом, если не было своего, то купленным у кого-нибудь. Детям тоже полагался шубат. И не было ничего вкуснее свежего хлеба с маслом на завтрак или ужин.

Однажды Акмама попросила меня с крыши посмотреть, где пасутся наши верблюды. По лестнице я поднялась на невысокую плоскую крышу. Бескрайняя голая степь – ни деревца... «Видишь?» – спрашивает Акмама. Ничего не вижу, то есть никого. «Присмотришься хорошо, что-нибудь движется?» Напрягаю зрение – нет, не вижу. Вдруг увидела, движутся едва заметные точки. «Да, да, вижу!» – обрадовалась я. «А теперь посмотри, жабу наше?» Жабу – это вроде попоны от холода, от оводов. Нет, это не для моего стопроцентного в то время зрения. Увидеть эти точки-верблюды уже было подвигом, а еще жабу? Оказалось, всё же наши. Но про себя я ликовала, что смогла-таки разглядеть их.

Как-то за ужином из разговора Акмамы с Коке я услышала, что поезд задал верблюда. Позже Сатимжан объяснил, что верблюд, попадая на рельсы, бежит впереди поезда, не сворачивая и не реагируя на гудки, пока состав не настигает его, и это оборачивается для него гибелью. Такое случается почти каждый год. Это само по себе страшно, но еще и наносит немалый урон хозяину верблюда. У меня уже развивалась психология скотовода.

В следующий приезд я первый раз добралась до Гурьева. Сатимжан привез нас к своей старшей сестре Алисе, где мы пробыли несколько дней. Каждый день нас приглашали в гости: шубат, бешбармак и большая столовая тарелка черной икры. Из Гурьева мы отправились в Балыкши, что на берегу Урала, погостить у друзей Сатимжана. Урал был не широкой, но сразу от берега глубокой рекой. Через день нас привезли на берег, и парни в длинных резиновых сапогах на руках донесли нас до плавучей фабрики по добыче и обработке черной икры. Весенний сезон добычи икры закончился, мы попали на последний перед закрытием обед. Уха из осетра и традиционное большое блюдо с черной икрой. Рыбаки ели уху и столовой ложкой зачерпывали икру, будто это была просто каша.

В Алма-Ату нас провожали с драгоценным грузом – несколько банок черной икры и самопальная икра в форме кирпича. Это была последняя моя поездка в гурьевские края. Прощай, весенний Макат! Два месяца спустя нас ждал Павлодар, куда Сатимжан поехал работать на тракторном заводе (благо образование позволяло), чтобы вживаться в тему рабочего класса, научно-технического прогресса и острых проблем социалистического производства, которые пыталась решать литература семидесятых-восьмидесятых.

**31 мая 2020 г.** Павлодар. Друзья-художники пригласили нас на пикник. На пристани мы договорились с лодочниками и поплыли на двух-трех лодках вниз по Иртышу. Для меня Иртыш был чем-то необычным – четыре квартала от нашего дома вниз – и открывалась широкая гладь реки. На её течение можно было смотреть бесконечно. В Алма-Ате я знала Алматинку, в бурное течение которой

тяжело ступить – унесет. Можно было сесть на гладкий валун и ненадолго опустить в холодную воду ноги. Мы с одноклассниками уезжали на озера Комсомольское, Приютские около аэропорта. Поездка занимала целый день. Часов в шесть утра на автобусной остановке мы садились в «коробочку», чтобы попасть на одно из этих озер, проводили целый день на солнце (чаще всего укрыться было негде), и с последним автобусом, кто загоревший, а кто (например, я) сгоревший, довольные возвращались домой. Неделя проходила в лежании на животе со сметаной на спине, потом верхний слой кожи слезал, и от поездки оставались лишь воспоминания. Но Иртыш совсем другое дело. При взгляде на него ощущалось веяние вечности: что бы ни происходило на том или этом берегу, он будет нести свои волны дальше и дальше, не доплыть, не догнать эти волны. Это впечатление человека, не видевшего так близко большой реки.

Доплыв до большой открытой поляны, мы причалили и сошли на берег. Воздух звенел от туч комаров. Трое ребят устремились в чащу за хворостом, чтобы развести костры, отогнать комаров и приготовить шашлык. Остальные ставили палатки. Через некоторое время из чаши вышли три серо-чёрных облака – это



ребята, облепленные тучами комаров, несли хворост. Смотреть на них было страшно и смешно. Дым от огня отогнал комаров, вечер прошел весело, но утром было никого не узнать. Кто-то с распухшей губой, кто-то с закрывшимся глазом, красавцы, одним словом.

Как-то летом в Павлодар приехала семья Шалахметовых: Гадильбек, Ира, Салтуша, Асель и Ирина сестра. Дети с

Сатимжаном уехали на каникулы в Алма-Ату, и гости остановились у меня. Друзья Гадильбека повезли нас за город. Мне запомнилось дерево, возле которого мы решили остановиться. Невозможно было определить, что это за дерево. Высокое, раскидистое, оно всё было усыпано белыми бабочками. А в нескольких метрах от него текла вода. Река не река, может, разлив... шириной около 15-20 метров, прозрачная, тёплая, по колено, местами еще мельче, с ясно видимым дном. Мы с Ирой брели посередине этого течения, и оно манило нас идти и идти... такое приятное ощущение... надолго в памяти остался этот день: дерево, тёплая вода, Ира...

В гости ко мне в Павлодар приехали папа с мамой. Их встретили на машине друзья Сатимжана. Сам Сатимжан уехал на литературные курсы в Москву. Кроме того, что навестить меня, папа хотел найти родственника своей мамы. Дедушка увез её откуда-то из-под Экибастуза, больше ей не довелось побывать в родных краях, увидеть родственников, и она наказала своему сыну найти их, рассказать о её жизни, узнать их судьбу.

У мамы была своя миссия, она хотела найти свою подругу по Куйбышеву. Единственное, что она знала о ней, кроме имени и фамилии: у её подруги было десять дочерей. Мы сидели за столом, и один из друзей Сатимжана, встречавших моих родителей, вдруг сказал: «У нас есть соседи, прямо через забор, и у них десять дочерей. А у нас в семье самая старшая сестра, и десять моих братьев. Но как-то так получилось, что мы с соседями так и не породнились». А когда мама

спросила, как звать многодетную соседку, выяснилось, что ей больше не надо искать подругу. Папа тоже остался доволен поездкой, потому что нашел родственников своей мамы.

Файзулла, тот самый друг Сатимжана, сам был богат на детей. Когда мы приехали в Павлодар, у него было четыре дочери. Уезжали – их стало шесть. Непонятно было, переживает ли он по этому поводу. Всегда веселый, дружелюбный, заботливый, он поддерживал нас, когда Сатимжан уехал в Москву. Мы вернулись в Алма-Ату, а года через два глубокой ночью в квартире раздался телефонный звонок. Звонил Файзулла, чтобы радостно сообщить, что у него наконец-то родился сын. А еще через два года – второй. Судьба вознаграждает настойчивого и терпеливого.

**1 сентября 2020 г.** Одним прекрасным летом мы собрались в Пицунду, в Дом творчества писателей. Сатимжан выкупил путевки в Литфонде, и мы всей семьей на поезде отправились отдыхать на Черное море. Не знаю, когда Сатимжан успел оповестить о нашей поездке, но на вокзале в Чимкенте нас встречали родственники, в Кентау – знакомые, в Кызылорде – друзья. Неплохой способ встретиться за два-три дня с людьми, которых не часто увидишь. Еще днем позже на станции Макат нас встречало «правительство» поселка, родственники Сатимжана с подношениями – блюдом с бешбармаком и всем к нему прилагающимся, а в Гурьеве нас сняли с поезда: в здании вокзала в VIP-комнате нас ожидал нарядно накрытый богатый стол, за которым сидели незнакомые мне люди, ожидавшие нас как долгожданных гостей.

За восхвалявшими Сатимжана тостами (куда же без них) время летело быстро, но трудно было встать из-за стола с деликатесами. Однако поезд задерживался из-за нас на сорок-пятьдесят минут, о чем проинформировали недовольные соседи по вагону, кто еще не спал. Было уже за полночь, когда мы вернулись в вагон после экспресс-банкета. Утром мы передали в вагон-ресторан большую коробку – саркыт с банкета с бешбармаком и разными напитками. Оказалось весьма кстати: поезд обслуживали студенты-стройотрядовцы и в тот день они отмечали День ССО. Машинист изо всех сил старался нагнать упущенное время за счет остановок. На этом наше триумфальное шествие-путешествие по родной земле закончилось.

Дальнейший путь мы провели около окошек – самое интересное в поездке на поезде. Картинка за окном изменилась, стало больше зелени, населенных пунктов. Удивила станция города Грозного: вокзал и остальные здания были облицованы кафелем. Проезжая по сельской местности Грузии, мы видели красивые частные дома, во дворах которых стояло по две-три машины. Невиданная для нас роскошь. Вспомнился анекдот Рональда Рейгана о положении с машинами в СССР. Покупателю сказали, что машину, которую он оплатил, получит через десять лет. «Утром или вечером?» – спрашивает мужчина. «Какая разница?» – удивляется продавец. «Утром ко мне должен прийти сантехник». Утрированно, конечно, но тем не менее...

На конечной станции – Сочи – мы пересели на электричку до Адлера, оттуда на «рафике» через Гагры добрались до Дома творчества в Пицунде. Номер был из двух комнат, для нас и отдельно для детей. Первыми, с кем я познакомилась (Сатимжан уже был знаком со многими), была семья Андрея Дементьева. Они пригласили нас в свой номер, дыня, несколькими из которых нас нагрузили в Кызылорде, пришлась ко столу. Сатимжан познакомил меня с присутствующим там поэтом Натаном Злотниковым из журнала «Юность», художником Александром Шиловым, который рассказывал, как рисовал портрет Зои Космодемьянской, героини моего детства. Один из приятных моментов пребывания в таких местах – знакомишься и многое узнаешь, слушая интересных людей.

Несколько экскурсий обогатили наши впечатления об этих краях. Необыкновенной красоты, прозрачности озеро Рица, окруженное горами с трех сторон, Новоафонские пещеры – это еще одно чудо света. Огромная полость в горах на миллион квадратных метров. Описывать не стану, слов не хватит, надо видеть. В общем, впечатлений море, отличный отдых, интересные знакомства. Еще долго мы получали открытки и письма отовсюду. Славные были времена...

**13 сентября 2020 г.** Проснулась среди ночи, прислушалась, показалось – стучат в ворота. Вставить неохота, до ворот еще дойти надо, а еще одеваться... На улице холодно... Села, головой помотала, оглянулась. Господи, какой забор, какие ворота?! Семнадцатый этаж, и уже лет пять-семь мы здесь. Но не отпускает, видимо, дом на земле, все-таки больше десяти лет там прожито!

Амбулак... Переехали мы на землю, когда Сатимжану стало трудно подниматься на пятый этаж и надо было отделять одну семейную ячейку. Выбирали долго, объехали все окрестности Алма-Аты, пока не набрали на этот дом. Привлекло в первую очередь то, что дом стоял на пригорке, перед ним небольшой садик, сливы, груши, а позади огород, опять же фруктовые деревья. При ближайшем рассмотрении интерьер и дизайн дома оказались далеко не в лучшем виде, но не каждый же день покупаешь дом, это предприятие тоже требует опыта.

В первую же зиму отключили газ, не стало отопления. Мы купили красный, как пожарная машина, китайский керогаз и по всему городу ездили в поисках керосина. Сдвигали диван, кресла и втроем – Галымжан, Сатимжан и я спали, вдыхая запах керосина. Одного керогаза явно было мало для всего этого дома. Весной стало получше, посадили зелень, овощи, розы. Нам говорили, что два ореховых дерева начнут давать плоды через два-три года, но осенью мы уже грызли орехи. Птицы тоже любили орехи, под кроной валялись зеленые расклеванные скорлупки. Всё было в новинку: как росли и поспевали редиска, помидоры, огурцы, как дети сидели на крыше времянки и с дерева срывали черешню, сливы. Но интерес быстро пропал, у молодежи были свои дела, вся жизнь их сосредоточена в городе, и мы остались одни. Год-два увлечение сельской жизнью еще не проходило, но наши силы были уже явно не те.

Под навесом был курятник, и Сатимжан с Галымом купили кур, еще совсем молоденьких. Куриные вопли не давали спать, оказалось, мужчинам вместо одного всучили двух петухов. Одного отвезли в город, чтобы Акмама оципала на суп. Оципанную тушку она передала назад – петух был тощий, страшный, как смертный грех, даже суп из него был невкусный.

Буквально через полмесяца после нашего переезда однокурсница Галыма, уезжавшая в Германию на ПМЖ, привезла нам собаку и кошку. Алиска, неизвестно откуда, регулярно приносила нам котят, которых мы называли на литературный лад: Пушкин, Серафимович, Белинский, в зависимости от окраса. Красавец тазы Кумай был воспитанным и интеллигентным псом, с ним не было никаких проблем. Но однажды, приехав из города, я не обнаружила кур. Ни одной. Пошла к забору спросить у соседей, к которым почему-то наши куры часто перелетали во двор. Тетя Зоя сказала: «Подними голову!» «Что за черт», – подумала я, но последовала совету. На ветках дерева, что было рядом со мной, сидели, нахохлившись, все наши куры. Тетя Зоя рассказала, что, когда нас нет, с пса сходит вся его интеллигентность, и он гоняет кур по участку, пока те не найдут убежище. Но дерево в качестве насеста они приспособили впервые.

Так нам открылась вся охотничья сущность Кумая, благородного тазы. Однажды резко похолодало, и когда мы приехали домой, зашли во двор, Кумай, трясаясь от холода на крыльце (короткошерстная порода), расцарапал всю входную дверь. С тех пор он стал жить на утепленной веранде, и Сатимжан с двух сторон его лежанки ставил обогреватели. По-моему, даже пытался укрыть одеялом. Са-

тимжан в Акбулаке вплотную стал заниматься очерками, эссе, там же был написан сценарий фильма «Дом у соленого озера». Пять лет он проработал главным редактором Казахфильма и оттуда ушел на пенсию.

Могу писать о нашей «крестьянской» жизни еще много. Нас будто перенесло с пятого этажа в Самале на землю. А оттуда на семнадцатый этаж в Сайране, то бишь в Манхэттен (по-народному). У Сатимжана не много было удач в жизни, но эта одна из самых замечательных, о чем мы помним и будем помнить всегда. В этой квартире Сатимжан наконец отдохнул хотя бы от одной проблемы в жизни.

Можно много вспомнить радостного и не очень, смешного и грустного о нашей жизни в Акбулаке. Первые пять лет Сатимжан не хотел ставить телефон: депрессия, мы как бы ушли в подполье. А я нашла выход – на книжных стеллажах разложила фото друзей и родственников. Эта привычка так и осталась. Взглянешь на полки, и становится теплей, будто все рядом. Спустя какое-то время с помощью моего брата Жаная связь возобновилась, и когда мы смогли на самую малость привести дом в порядок, стали появляться друзья и другие гости. Жизнь вошла в свое русло.

Акбулак, как и каждое наше жилище, помнит веселый смех гостей и гулкую тишину одиночества, творческую атмосферу и минуты отчаяния. Всё как в жизни, всё как полагается.

**16 сентября 2020 г.** Сегодня День рождения Сатимжана, ему исполнился бы 81 год. Вернусь к нашему началу, в Шевченко 1967 года. Однажды увидела в окно: он шел из общежития, где мы квартировали на время съемок, в какой-то войлочной шляпе, немножко враскачку, будто только сошел с коня. Вокруг него витала явно выраженная аура одиночества. Но он быстро освоился, может, от того, что его берегли как зеницу ока: только бы не заболел. А может, уже вжился в роль, немного почувствовал себя Алиби Джангильдиным, командиром интеротряда.

В первый же день их прибытия я повела Сатимжана и карагандинского артиста, поляка Пастревича на берег Каспия (часть моих обязанностей – «шефство» над актерами). Пока мы вдыхали морской воздух и любовались пейзажем, Сатимжан быстро разделся до плавок, подошел к воде, окунул одну ногу в воду, вторую, поболтал ими в воде, вернулся и также резво оделся. «Холодная?» – спросила я, сдерживая смех. Сатимжан молча кивнул, и мы отправились дальше. Позже Сатимжан рассказывал, что в тубсанатории работал тренером по плаванию. «Как? Ты же не умеешь плавать!» – «Очень просто, ложусь на скамейку и показываю, как надо грести руками, двигать ногами», – хитро улыбнулся он. Повод посмеяться был, но учитывая, что шесть лет он жил на пособие в двадцать рублей, тренерство, видимо, давало, ощутимую прибавку. Не до смеха.

В Алма-Ате Сатимжан познакомил меня с друзьями по санаторию. Они были бывшими спортсменами – боксер, волейболист, конькобежка. Иногда мы собирались вместе, шутили, смеялись, рассказывали о чем-то, только не о болезни. Табу. А когда Сатимжан начал работать, мы с ним обошли тубдиспансеры – районный, городской, областной, и везде сняли его с учета. С этим было покончено. По крайней мере формально.



В издательстве, где он начал работать редактором, он подружился с художниками, писателями, с кем можно было поговорить о литературе, творчестве. Сатимжан переживал, что отстал от сверстников, которые уже печатались, имели выпущенные книги. Долгие разговоры, рассуждения о книжных новинках, кто о чем пишет или собирается писать, восполняли то, чего он был лишен.

Намечалась наша свадьба, мы думали пригласить самых близких, человек двадцать-тридцать. Мой папа взял наш список, сказал – добавлю кое-кого. Наутро мы лицезрели новый перечень гостей человек в сто. «Это первая свадьба в нашей семье, мне будет неловко перед друзьями», – сказал папа. Добавлены были в основном писатели. На свадьбе своего жениха я видела мельком: у него разбежались глаза, он пытался перезнакомиться с людьми, о которых только слышал. Я относилась к этому мероприятию без особого пиетета, это было совсем не то, чего мы хотели. Но многие гости долго еще тепло вспоминали о ней. Для них не столько была важна свадьба, сколько сам факт встречи, общения, возможности весело провести время.

Сатимжан быстро адаптировался в новой среде, стал увереннее, выход дебютного фильма и первой книги содействовали этому. Но чем больше он внедрялся в писательскую среду, тем больше понимал, что насколько разнится степень таланта человека, настолько различны люди, им обладающие. Или не обладающие. Думаю, что разочарование и усталость от сложной атмосферы в Союзе писателей, куда его перевели после работы в издательстве, тоже внесли свою лепту в наш отъезд в Павлодар. Переживал он и от того, что болезнь, отнявшая у него несколько лет, не позволила ему помогать как старшему сыну в семье, и он старался возместить это упущение в меру своих возможностей, а когда родителям стало не под силу держать скот, вести хозяйство, он перевез стариков в Алма-Ату.

Однажды мы с Сатимжаном получили гонорар за изданный в журнале перевод одной повести с казахского языка на русский. Сатимжан почти каждый год переводил по книге, но первый раз авторами перевода значились С. и С. Санбаевы. Вдруг на полпути Сатимжан остановился: «Света, купи мне костюм!» Я ошарашенно посмотрела на него: зачем ему это надо? Получили мы равные суммы, «котел» общий. И вообще, чтобы он когда-нибудь просил о чем-то... Хорошо, не успела рта открыть, поняла: обычно это его забота – покупать костюмы и прочее, но, видно, захотелось, чтобы ему тоже что-то подарили, и он дает мне такую возможность. Я даже малость возгордилась – одеваю мужа! Хотя он мог бы оставить только себя как автора перевода, я за этим не гналась. Нехватка честолубия? Но я шла уже по готовому подстрочнику. Такая вот игра в поддавки. Но мы оба были довольны.

Дружба с художниками давала ему возможность говорить о живописи, он неплохо разбирался в этом, и сам рисовал довольно сносно, чего не могу сказать о попытках писать стихи. Через год-два он совершенно изменился, ничего не осталось от начинающего актера, появилась великолепная осанка. Позднее меня даже спрашивали: не носит ли он корсет? Очень хорошо чувствовал объектив фотоаппарата, камеры, сказывались съемки в кино, хотя и без этого был фотогеничен. В одном из интервью Сатимжан говорил, что уверен в творческих задатках наших детей. Писать никто из них не стал, но тонкое чувство языка есть у всех. В этом он не обманулся. Но еще не вечер.

**4 октября 2020 г.** С детства каждая моя свободная минута была посвящена чтению. Чревато это было тем, что жизненный опыт мой складывался скорее книжным, и я руководствовалась им, даже давая советы родственницам, гораздо старше меня и уже семейным, как поступать в том или ином случае. Иногда мне казалось, что я старше и опытнее сверстников, но была ещё и «школа жизни».

Когда родился мой младший брат, у нас появилась домработница тётя Ксения. Для мамы, видимо, это был первый материнский опыт, ведь я росла на руках аники – бабушки. Мама пропадала на работе, оставляла для меня сцеженное молоко и снова убегала. Иногда аника, когда не было молока, несла меня на швейную фабрику, два-три квартала вниз по Фурманова, чтобы мама покормила. Тётя Ксения пришлась кстати, спокойная, добрая, она быстро стала своей в нашей семье, но одно обстоятельство было ей в минус. Едва наступало осенних холодов она появлялась у нас, зимовала и с приближением летнего тепла исчезала вновь. В её отсутствие были другие женщины, но не шли ни в какое сравнение с тётей Ксенией. Мы спали с ней в одной комнате, и она рассказывала мне о своей семейной жизни: как вышла замуж, как жила, как осталась вдовой – муж погиб на фронте. Тётя Ксения открыла неизвестную мне сторону жизни, то, что я никогда не узнала бы от мамы.

В то время маминых родственников в Алма-Ате было больше, чем папиных. Это было не самое близкое родство, но они крепко держались друг друга. Все эти тетушки были веселые, задорные, острые на язык, они задирали папу, а он с ними расслаблялся, шутил, смеялся, что с ним не часто случалось. В Горветке жила тетя Такзима, я общалась с двумя её дочерьми. Горветка находилась за вокзалом, чтобы туда попасть, надо было перейти через железнодорожные пути, иногда под вагонами. И начиналась для меня другая страна. Какое же было разочарование, когда обнаружилось, что Горветка обозначает городскую железнодорожную ветку. После окончания школы они обе пошли работать продавцами в магазин.

Как-то раз младшая, Зафира, взяла меня с собой в магазин, где работала старшая сестра Роза. Зафира заплатила в кассу какую-то мелочь, потом мы подошли к Розе, и она дала Зафире бутылку вишневого ликера. Я не успела вымолвить слова, как Зафира приложила палец к губам: молчи. Уже на улице поведала мне секрет: она выбивает чек на копейки, а Роза может дать ей что угодно. Кому-то недovesит, кому-то даст не тот товар, в общем, как-нибудь выкрутится. Я удивилась, как легко можно обманывать покупателей. В тот магазин я больше не ходила, да и не брали меня туда. Мое общение с сестрами стало затруднительным. Семья тети Нажики жила в хрущевском посёлке. С её старшей дочерью Венерой я общалась чаще и теснее. Она была дочерью от первого брака, наши ситуации были схожи, с ней я могла говорить обо всём, как ни с кем другим. Она отличалась от Розы и Зафиры, хотя тоже работала в магазине.

Со временем наши пути разошлись на много лет. Но как-то при неожиданной встрече выяснилось, что мы живем недалеко друг от друга. Наши отношения возобновились. Венера пригласила меня во Дворец Республики на концерт Лолиты Торрес, кумира моего детства. Мы сидели в первых рядах, и Венера здоровалась то с одной, то с другой женщиной. Почти все первые ряды были заняты знакомыми Венеры. Нарисовалась картина почти по Райкину: эта – товаровед, эта – завмаг, эта – директор базы. Для меня это было потрясением. Но всё в жизни меняется, не стоит на месте. И, не знаю автора высказывания, но «не все, кто блуждают, потеряны». Хотелось бы в это верить.

**26 декабря 2020 г.** Размышлизмы об измышлизмах. Тоска, хандра, сплин, мертвый сезон, одним словом. Совсем не болдинская осень. Серое небо давит. Не пишется, но свербит в мозгу: надо, надо... Откуда это взялось? Надо... Год назад шло как по маслу: что-то хронологически, что-то как отступление от основной (о Сатимжане) темы, или внезапно извлекалось из недр памяти, иногда готовым куском, пиши – не хочу.

Вдруг, не в первый раз, возникает мысль: а что бы сказал Сатимжан на мои измышлизмы? Хотя знаю, сказал бы: «Молодец, хорошо делаешь, что пишешь». Чисто педагогический подход – поощрять любое начинание. Он был готов поддерживать каждого, кто стремится добиться успеха в чем-либо, особенно в творчестве, помочь, если есть возможность. Как-то я месяца два переводила с казахского повесть, дала ему почитать. Сатимжан молча взял ручку, начал править, и... получился перевод не Санбаевой С., а Санбаева С. На этом мои попытки работать самостоятельно закончились, только в тандеме: он пишет, я печатаю, корректирую, правлю. Если я устраивалась на работу, Сатимжан предупреждал, что в первую очередь работа дома, то есть его.

Как-то один человек спросил меня, понимаю ли я, как мне повезло, что я встретила Сатимжана. И я поняла: всё, что ни говорилось – она его первый редактор, правая рука – пустое славословие, дань ничего не значащим разговорам, наверное, я и сама способствовала такому отношению, но не люблю, не нуждаюсь в том, чтобы ради чьего-то понимания меняться, заострять внимание на своей причастности к работе Сатимжана. Знаю, что мое участие бывало, а позже стало для него необходимым. Этого для меня было достаточно. Тем более что и для меня эта работа стала необходимой.

В Союз дизайнеров пришла на должность главного бухгалтера спокойная, с непоказным достоинством приятная женщина в возрасте. На Наурыз, с некоторых пор еще не с размахом, но уже открыто отмечавшийся праздник, она позвала нас в мечеть на улицу Пушкина. Мои родители были коммунистами, в доме не праздновали Наурыз, как и во многих других семьях. Но было интересно впервые увидеть мечеть, и мы пошли. Оказалось, женщинам нельзя заходить внутрь, мы остались во дворе. Большой, неухоженный после зимы двор не навевал ничего святого, но какая-то аура ощущалась, может, она была от нас. Походив по двору, я вернулась к нашей группе. Возле моих сослуживиц стоял молодой парень в тубетейке, вроде как служитель мечети, они о чем-то беседовали. Он на глаз определял характеры моих спутниц, о чем тут же сообщал каждой, что называется, открывал глаза на самих себя. Скорее всего, ему позволяла это делать природная наблюдательность. Когда очередь дошла до меня, он сообщил, что я – сильная натура. Что вдруг снизошло на меня, не знаю, никогда не задавалась этим вопросом, не анализировала себя, но приняла как должное – это правда. С этим и живу.

**12 января 2021 г.** Отрывки из очерка Сатимжана Санбаева «Наш Димеке» (из неизданного).

«Высокое имя “Магнитогорск цветной металлургии”, которым нарекли в тридцатые годы Балхаш, и поныне осеняет этот город. Сверкающая медная река тянется сквозь годы, и в ней мне видятся судьбы тысяч людей, созидавших начало новой эпохи. Среди детищ первых пятилеток город Балхаш стоит особняком. Интересы всех его собратьев поздней разделились между различными отраслями промышленности и сферами производства, а у Балхаша осталась одна любовь и одна забота: это его медеплавильный. Он создался как город меди, им и остался.

В истории этого города особое место занимает имя Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, который в середине тридцатых годов молодым горным инженером включился в созидание новой жизни. Балхашцы чрезвычайно дорожат тем, что им выпала удача работать вместе с Динмухамедом Ахмедовичем.

Впервые Динмухамед Ахмедович приехал в Коунрад летом 1935 года. Ему, студенту Московского института цветных металлов и золота, предстояло проходить здесь преддипломную практику. Строительство медеплавильного комбината только разворачивалось, гигантского карьера и в помине не было.

\* \* \*

Димаш Ахмедович быстро завоевал уважение коллектива своим вдумчивым отношением к работе, широтой кругозора и обостренным вниманием к нуждам простых людей. Работал Димаш ключником на буровом станке, а это дело не из легких – всю смену ворочать полупудовым ключом, преподавал в школе и обучал вчерашних кочевников в



техучилище. Дипломная работа Димаша Ахмедовича называлась “О производстве 90 000 тонн черновой меди”, если учесть, что в ту пору вся выплавка меди в США достигала 200 000 тонн, а в СССР немногим больше 50 000 тонн, то можно представить всю актуальность и серьезность работы будущего крупнейшего организатора цветной металлургии, каким спустя 3-4 года становится Динмухамед Ахмедович.

Если учесть, что первое время руду добывали из 30-метрового шурфа дедовским способом – бадьей да конным воротом, на опытную фабрику в бухте Бертыс отвозили на верблюдах, к тому же дробление руды производили вручную, то можно понять, почему Димаш Ахмедович решил начать свою трудовую деятельность с освоения новой техники. Димаш Ахмедович учил специалистов, одновременно совершенствуя эту технику. Это была универсальная школа. Через полгода Димаш Ахмедович работал мастером, а потом уже начальником буровзрывного цеха.

\* \* \*

И люди, связавшие себя с медью, представляется мне, несут в себе категории вечного, непреходящего. Эти мысли не оставляли меня в тот весенний майский день 1984 года, когда Динмухамед Ахмедович приехал в Балхаш. Его волновал вопрос второго рождения комбината. Как обычно, он начал работать, едва успев сойти с трапа самолета. Было такое ощущение, будто по городу идет могучая волна – девятый вал созидания, и по пути решались многие важные вопросы жизнедеятельности края.

На комбинате Динмухамед Ахмедович побывал на медьзаводе. Знакомился он с производством тщательно, внимательно выслушал инженеров, техников и рабочих. Поднялся на переходной мостик, перекинутый над рольгангом, по которому стремительно неслись тяжелые раскаленные бруски меди, прошел под огненными брызгами к самым печам. Это было небезопасно, и сопровождающие забеспокоились, а металлурги перекинулись одобрителными репликами:

– А ведь так ходят у печей далеко не все областные и городские руководители!

– Вот пусть поучатся у нашего Димаша!

\* \* \*

На побережье Балхаша есть места Ак-Олен и Сар-Олен – Край светлых песен и Печально песенный край, получившие свои названия от айтысов, на которых еще в незапамятные времена демонстрировали свое искусство степные акыны.

И одним из ярких представителей этого поэтического мира можно назвать акына Шашубая Кошкарбаева, к которому Димаш Ахмедович относился с сыновней любовью.

Существует быль, проливающая свет на особо теплые отношения, сложившиеся между молодым Димашем и 70-летним Шашубаем. Холодной ветреной осенью надо было срочно тянуть железнодорожную колею в три километра от карьера до так называемого кривого отвала. Руководил работой Димаш Ахмедович, только что назначенный директором рудника. Идея была его. Проложить путь надо было в два дня, сроки предельно сжаты, поэтому люди работали без перерыва, под духовой оркестр, спали тут же на объекте. И когда музыканты от усталости уже не могли играть на инструментах, в вечерней стылой мгле вдруг послышались звуки домбры, а над степью взлетел звучный голос Шашубая.

Акын узнал о тяжелой обстановке, сложившейся на руднике, и поспешил на помощь из дальнего аула, чтобы поднять дух горняков. И засветились улыбки на посиневших от холода лицах, и яростно, с новой силой двинулись люди в атаку: взметнулись над головами кирки и лопаты, заскрипели, оттягивая руки, тяжелые тачки, поплыли на плечах стальные полосы рельсов. Димаш Ахмедович был признателен акыну. (Балхаш, 1985 год)

**7 февраля 2021 г.** Несколько историй из жизни на улице Обручева, 7, где наше семейство неожиданно для меня приютил Мурат Ауэзов в доме (сейчас сказали бы – коттедже) своей сестры Умит Джансугуровой. Мало что помню из того времени. Гуля, которой исполнился 1 год и 2 месяца, за год вымотала меня до предела, она не то чтобы перепутала день с ночью, вообще не знаю, когда она спала. Вся наша семья была озабочена тем, как бы её усыпить, но она благополучно усыпляла «усыпителей», переползала через них и топала по своим делам. С Галымом было полегче, удавалось иногда поспать, но второй год с малышом – сказывался недосып, иногда спала на ходу в состоянии сомнамбулы. И всё же отметили первый праздник – шілдехана, сорок дней Галымжану, на котором собралось много друзей и родственников, было шумно и весело.

И вот поздняя осень... Сатимжан и Мурат научили меня разжигать печь. Топили углем, который хранился во дворе в сарае. Хамит, брат Сатимжана, привозил разбитые в хлам столы, стулья, парты из Политеха, где он работал. Уголь заканчивался, с топливом помогали кто чем может. А когда печь начала барахлить, оказалось, что мои мужчины разучились топить. Правда, печь оказалась капризной, за полчаса съедала ведро угля, стояло жуткое пекло, а потом так же быстро тепло уходило. Все попытки как-то наладить её заканчивались неудачей, печь выкидывала новый фортель.

За час до пробуждения Галыма, часов в шесть утра, я тащила в сарай за углем, чтобы малыш проснулся в тепле. Было еще темно и почему-то страшно, но надо – значит, надо. Назад я мчалась со скоростью ветра. Как-то я обратила внимание, что Мурат чем-то расстроен. На мой вопрос, что случилось, он ответил: «Хочу уехать куда глаза глядят». Сатимжан на мое сообщение тотчас отреагировал: «Зачем куда-то? Пусть едет в Макат к моим старикам». Я была там в мае и не понимала, что можно там делать зимой. Тем не менее Мурат принял предложение Сатимжана и, кажется, не пожалел об этом.

Новый год прошел для нас незаметно, но первого января, проснувшись, я обнаружила несколько незнакомых девушек, хлопотавших на кухне. Оказалось, на свой день рождения должен подъехать Мурат, шла подготовка к встрече и к именинам. Позже стали подтягиваться друзья Мурата. Помню, был очень красивый, вкусный, необычный, может, потому что с помидорами, бешбармак. Девочки постарались на славу.

Наше жилье было далеко от центра. Утром Мурат и Сатимжан уходили на работу, я оставалась одна. Дома мама мне поручала в основном смотреть за младшими братьями, с кухонными делами я почти не была знакома, так что на СМУ-15 я только начинала осваивать готовку, и не всегда удачно. Оживление в нашем доме наступало с приходом Мурата с друзьями, чаще ближе к ночи, но это для меня была отдушина: знакомые и незнакомые люди, разговоры, веселье и вино «Мурфатлар» – светлое, легкое, в красивом оформлении.

В пятницу я собирала грязные пеленки, распашонки, получалось два-три огромных узла, вызывала такси и ехала к маме «очищаться». Была проблема, как всё это дотащить до такси – Гулю, Галыма и узлы. Кого сначала, кого потом, почти как в сказке «Волк, лиса и капуста». А в понедельник ехала обратно до следующей пятницы. Иногда вечером звонила мама: «Света, приходил Сатимжан, забрал Гулю, его надо встретить». Значит, в редакции у кого-то был день рождения, или какой-то автор отмечал выпуск своей книги, после чего Сатимжану захотелось собрать семью под одной крышей. Слава Всевышнему, это заканчивалось всегда благополучно. Иногда в субботу я ходила на базар за продуктами. Я не опасалась оставлять Сатимжана с маленьким Галымом, у него был опыт управляться с младшими братьями и сестрами.

**14 февраля 2021 г.** Я уже писала о первом появлении Калжана (Салихитдина Айтбаева) в доме моих родителей, где в то время мы жили. Маме, не знавшей, что ночью Калжан пришёл с Сатимжаном и остался ночевать, неожиданно возникший на кухне за завтраком незнакомец представился так: «Я в Союзе художников не фиг собачий, я – член правления».

Когда приехал Коке – папа Сатимжана, Калжан около недели рисовал его портрет. Коке надел свой пиджак с орденами и медалями и терпеливо позировал художнику. Портрет получился отличный, Коке понравился. На балконе у нас остался деревянный ящик с красками, кистями и прочими принадлежностями. Прошел год, второй. Спрашиваю у Сатимжана: этот ящик нужен Калжану или его выбросить? «Пусть лежит, вдруг понадобится». Мы только переехали на улицу Джамбула в дом писателей – первая наша квартира, и потихоньку обустраивались. Первой большой покупкой была стереорадиола «Эстония» с метровой высоты колонками. Дети только освоили цветные карандаши, их художества были видны везде в квартире. Особенно самовыражения удостоились стены коридора, колонки тоже пострадали. Их они просто продырявили карандашами. Я решила закрасить панели в коридоре эмалью на высоте их вытянутых рук. Чтобы отойти от стандарта, покрасила стены в коридоре в разные цвета: зеленый, розовый, голубой. Четвертая стена должна была быть желтой. Краски разбавляла белой эмалью, чтобы оттенки были не яркими, нежными. Теперь рисуй сколько влезет: взяла тряпку, вытерла, и снова чисто. Не нашла нигде желтой краски для четвертой стены. Вдруг вспомнила про калжановский ящик и... ура, нашла несколько тюбиков желто-терракотовых оттенков. Теперь коридор покрашен. Не успела высохнуть краска на стенах, появляется Калжан. «Света, я оставлял у вас свои краски, можно я их заберу?» – «О, а я думала, что они тебе уже не нужны!» – «Нет-нет, нужны, как раз сейчас!» – «Ты знаешь, а я взяла из ящика несколько тюбиков, желтых...» В общем, Калжан не обрадовался, даже наоборот. «А что ты с ними сделала?» – «Вот», – показываю на стенку. «Ну ты даешь, мать!» Чем спокойней он реагировал, тем больше я понимала, что он огорчен, и тоже расстроилась, но сделанного не вернешь. «Дело сделано, дорогой!» – как сказала одна вредная тетка из фильма. «И вообще, два года от него ни слуху ни духу, ни слова об этом чертовом ящике! – оправдывалась я про себя. – И откуда мне знать, что эти краски трудно достать». Но осадок всё равно остался.



Помню, однажды Калжан спохватился, что у него пропадают путевки на двоих в Дом творчества художников, а он не может поехать. Наши дети как раз искали, куда бы им поехать, но в бархатный сезон нелегко найти возможность отправиться на отдых в стоящее место. Сатимжан тут же поднял Калжана, и спустя некоторое время вернулся с путевками, да не куда-нибудь, а в Хосту. Благодаря Калжану я смогла поставить памятник Сатимжану, продав в музей Астаны три его картины. Не жалею, пусть люди смотрят и наслаждаются его творениями. 15 февраля Салихитдину исполнилось бы 82 года.

Иногда представляю себе круглый стол, за которым сидят Алан Медоев, Аскар Сулейменов, Макум Кисамединов, Калжан Айтбаев, Болатхан Тайжан, Булат Каракулов, Марат Гильманов, Тимур Сулейменов, Сатимжан Санбаев и много других друзей. Какое чудесное застолье, а сколько замечательного они могли сотворить, насколько интереснее, совершеннее была бы жизнь наша с их присутствием в ней, и как их не хватает сейчас... Виктор Гюго на кончину Жорж Санд сказал: «Оплакиваю умершую, приветствую бессмертную». Хотелось бы сказать такие слова о каждом из сидящих за этим воображаемым столом.

*Продолжение в № 12, 2024.*

**В декабре 2024 года отмечают:**

**80-летие**

Сулеймен Баязитов, писатель

**70-летие**

Амангельды Шахин, поэт, переводчик

**50-летие**

Руслан Нурбай, поэт

**Редакция журнала «Простор» сердечно поздравляет юбиляров!**